

В связи с последним предположением кажется уместным вспомнить о двух любопытнейших свидетельствах изготовления эвенками в XIX — начале XX в. многоликих деревянных фигур довольно внушительных размеров — до 2,5 м в высоту. По словам П.П. Третьякова, таких «болванов на подобие человека сажени в полторы вышины и с двумя лицами» эвенкийские шаманы ставили «для устранения повальной болезни» [Третьяков 1869: 439]. А К.М. Рычков, сообщая похожие сведения о больших болванах, голова которых делается с двумя или тремя лицами, добавляет, что они изготовлялись по приказанию шамана для камлания, совершаемого «от русских болезней» [Рычков 1922: 121-122]. Таким образом, оба источника сходятся в том, что данные изображения использовались во время эпидемий, которые вызывали массовую смертность эвенков от болезней, принесенных на север русскими. Вполне допустимо, что установление таких необычных фигур, вызываемое чрезвычайными обстоятельствами, могло расцениваться эвенками не только как средство борьбы с ужасным духом болезни, но и в качестве объединенного вместилища душ значительного числа умерших, которые должны были быть отправлены шаманом во время специального камлания в загробный мир предков.

Библиография

- Анисимов А.Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // ТИЭ, н.с. Т. 18. М.; Л., 1952:
Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969.
Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004.
Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1922. Кн. III–IV.
Сулов И.М. Материалы по шаманству у эвенков бассейна р. Енисей // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп.1. № 58. 1926-1931.
Сулов И.М. Шаманство и борьба с ним // Советский Север. 1931. № 3-4.
Третьяков П.П. Туруханский край, его природа и жители // Записки РГО (по общей географии). 1869. Т. 2.
Уткин Г.С. К вопросу о типологии культовых сооружений эвенков Нижней Тунгуски // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 168–175.

Р.В. Кинжалов

ЦИРЦЕЯ*

Думается, что каждому гуманитарии известна такая ситуация — одни работы быстро идут в печать и быстро выходят в свет, а другие — лежат годами. Почему именно одной суждена хорошая судьба, другой — плохая, объяснению не поддается. О судьбе одной моей работы хочется рассказать в этом очерке.

На первом курсе проф. Иосиф Моисеевич Тронский предложил мне писать реферат на тему «Боги и их отношения с людьми по поэмам Гомера».

Он был написан достаточно быстро и получил одобрение Якова Марковича Боровского и И.М. Тронского. Это был мой первый опыт работы с античным материалом. Уже ко второму курсу у меня появился определенный интерес к древнегреческой мифологии как объекту научного исследования. Поэтому, когда в начале октября 1943 г. Иосиф Моисеевич сказал мне, что пора подумать о теме курсовой работы, я предложил образ Цирцеи (Кирки) в «Одиссее». И.М. Тронский вначале усомнился, достаточно ли эта тема интересна для исследования, и предложил другую — «Ифигения и изменения мифа о ней». Но я упрямился все-таки моего научного руководителя оставить тему о Цирцее.

Библиотека Саратовского университета была достаточно богатой по классической филологии. Кроме изданий греческих и латинских текстов, там имелись отдельные тома монументального справочника-энциклопедии Паули-Виссова (к счастью, и том со статьей о Кирке), большая работа О. Группе по греческой филологии и кое-что еще. Сделав необходимые выписки, я в декабре 1943 г. горячо взялся за работу.

Где-то в апреле я закончил первую часть, потому что стало ясно: этот миф имеет параллели в вавилонской и индусской мифологиях, — и отдал ее на прочтение Иосифу Моисеевичу. Результат был ужасен: он прошелся со мной по всему тексту и беспощадно придирался, как мне тогда казалось, ко всему. «Здесь слово неудачно выбрано, здесь плохо, там не гладко, здесь положение не доказано» и т.п. И ни одной похвалы. Я яростно защищал свои доводы, он, казалось, и не слышал. Я совсем загрустил и, очевидно, это было явственно видно, потому что на следующий день Мария Лазаревна Тронская, поймав меня в коридоре, утешила: «Иосиф Моисеевич в восторге от вашей работы, считает ее лучшей». А сам Тронский после лекции сказал: «Ну что, обиделись? Я верю вашим доказательствам, работа хорошая, но я хочу, чтобы она была безукоризненной во всех отношениях! И пишите, не останавливайтесь на полдороге!»

Так как в мифе о Кирке явственно прослеживались элементы волшебной сказки, я решил показать работу Владимиру Яковлевичу Проппу. Он принял меня в своей квартире и внимательно выслушал мое чтение, а потом начал высказываться. Настало время ему идти в университет, и я пошел провожать профессора. Целый ряд моих положений он оспорил, но и указал на иные возможности решения. Вообще, беседовать с Владимиром Яковлевичем всегда было большим удовольствием.

Григорий Александрович Гуковский был председателем (или руководителем, не помню) студенческого научного кружка. Очевидно, по рекомендации И.М. Тронского он поставил на майское заседание мой доклад о Кирке. Было много студентов, а из профессуры — Г.А. Гуковский, Я.М. Боровский, В.Я. Пропп, М.П. Алексеев, А.П. Иванова. Высказывания были самые положительные. В.Я. Пропп рекомендовал дополнить работу специальной главой о связи со сказкой, А.П. Иванова указала на статью о Кирке М.И. Максимовой и советовала расширить обзор иллюстративного

материала. Все эти указания я выполнил, в результате чего работа из доклада превратилась уже в рукопись около четырех авторских листов.

Когда ЛГУ вернулся в Ленинград, я был представлен зав.кафедрой античной филологии Ольге Михайловне Фрейденберг. Она потребовала показать ей работу. Надо признаться, что рукопись выглядела очень неряшливо: вставки на отдельных листах, произвольные сокращения и, кроме того, очень мелкий почерк. Ольге Михайловне с ее высокой близорукостью читать ее было очень трудно. Я предложил ей прочесть самому, но она это отвергла и унесла рукопись домой. Через неделю она вернула мне ее с резолюцией: «Ничего нового, все это уже есть в моих работах!».

Здесь надо прояснить два момента: содержание моей статьи на то время и научные позиции О.М. Фрейденберг.

Мой миф о Кирке в «Одиссее» имел подзаголовок: «Любовь богини и смертного». Я пытался разобраться, как универсальная мифологема об умирающем и воскресающем боге нашла индивидуальное воплощение в тексте Гомера; что крылось под образом волшебницы Кирки и т.д. Для Ольги Михайловны, сторонницы глобальных обобщений, это мое «копание в мелочах», конечно, не могло показаться интересным. Она привыкла рассматривать все очень широко, шагая через эпохи и континенты, причем ее интересовали главным образом схождения. А мой позднейший опыт по изучению мифологических систем показал, что надо изучать не схождения и параллелизмы (это очевидно), а анализировать расхождения. Кроме того, мои учителя (теперь-то я четко осознаю) сознательно удерживали своего питомца от соблазнов искусительницы О.М. Фрейденберг, взглядов которой они не разделяли. Поэтому в моей работе не оказалось ни одной ссылки на исследование Ольги Михайловны, что, естественно, ее обидело.

Через несколько дней она сменила гнев на милость, позвала к себе домой и одарила отпечатками своих статей. Я внимательно их проштудировал и, конечно, где следовало, сделал ссылки. Далее началось «перетягивание». Ольга Михайловна, безусловно, хотела сделать из меня «адепта» своих убеждений и подходов, я, однако, туго воспринимал их. Может быть, здесь сказались влияние взглядов И.М. Тронского, хотя он никогда не говорил мне о работах О.М. Фрейденберг. Научная этика в те времена (по крайней мере у моих учителей) была очень высока, только в публичных дискуссиях на Ученом совете факультета иногда разыгрывались научные баталии, впрочем, всегда очень вежливые.

В течение 1945 г. я сделал доклады в развитие темы о Кирке на кафедре истории искусства и кафедре древней истории истфака университета. Соломон Яковлевич Лурье после последнего подарил мне отпечаток своей работы «Дом в лесу», перекликавшейся в какой-то мере с исследованием В.Я. Проппа о волшебной сказке.

В июне того же года я составил план монографии «Афродита и Апхиз» и показал его И.М. Тронскому. Он его одобрил. В декабре я сделал по моей теме сообщение на заседании отдела Востока Государственного Эрмитажа,

куда только что поступил. Монография (так и не написанная) должна была рассмотреть связи мифологем о Великой Матери на критских, вавилонских и малоазийских материалах. В сущности, это являлось прямым продолжением той же работы о волшебнице Кирке. Было собрано довольно много данных, но потом все усиливающаяся нагрузка в университете и работа в Эрмитаже не дали возможности продолжить начатое. Все отодвинулось на долгие годы, если не считать очень душевной беседы о Кирке с Иваном Ивановичем Толстым. В память о ней он подарил мне свою статью о зверях Кирки в поэме Аполлония Родосского с трогательной надписью.

Имевшийся у меня вариант «Кирки» включал около 6 печатных листов текста и многочисленную библиографию. Но все это было отложено на долгое время и почти забыто. Кандидатская диссертация по повести Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском (она была защищена только в 1956 г., перепрофилированная в соответствии с направлением работы Эрмитажа из филологического в историческое исследование), а в дальнейшем усиленные занятия американистикой перекрыли увлечение греческой мифологией. Более того, казалось, я совсем потерял интерес к античности и почти всю часть своей библиотеки, связанной с этой тематикой, раздарил коллегам.

Но в 1988 г. меня снова потянуло к старой теме. Просмотрев рукопись «Кирки», я увидел, что текст безнадежно устарел. В течение следующего года я усердно перерабатывал его, оставив подготовку научного аппарата (библиографию и примечания) на другой год... Потом появилась возможность включить готовую часть «Кирки» в популярную книгу по истории древних культур, о которой меня попросило одно солидное издательство. Книга эта долго ждала своей очереди, а затем последовали знаменитые экономические реформы, и она, как многие другие, не вышла. В сокращенном виде я еще раз пытался пристроить работу в журнал, но и там не заладилось...

Итак, работа (дважды написанная) осталась лежать и стареть, и лишь небольшой отрывок из нее в виде отдельного этюда был напечатан в институтском сборнике. Выводы читатель может сделать любые: судьба («Свою судьбу имеют и книги», — Теренций Мавр), моя инертность, стечение обстоятельств и т.д. Я не решаюсь выбрать что-либо, ясно одно — моя «Кирка» никогда не будет напечатана — перерабатывать ее третий раз не хватит ни сил, ни времени!

Попытаюсь все же обрисовать вкратце стадиальную генеалогию образа Кирки.

Первым звеном будущей мифологемы о Кирке-Цирcee, вернее ее фундаментом, основанием является широко распространенное в глубокой древности представление о воскрешении после определенных ритуалов убитого животного. Итак, вначале мы имеем пять основных мифо-ритуальных единиц: охотник — животное, смерть — обряд — возрождение. С течением времени и при изменении условий в этих основных образах происходят определенные трансформации. Образ животного раскладывается на две самостоятельные ипостаси: владычицы (хозяйки) животных и животных,

составляющих ее окружение. Богиня эта, богиня-мать многих древних религий, обитает в безлюдном месте, в лесу или среди гор. Охотник здесь появляется то в страдательной форме (его убивает либо хозяйка леса, либо ее животное), или в форме любовника, награждаемого удачами. Любовь мыслится первоначально в виде реалистического соединения, а позже метафорически — в виде совместного вкушения еды или вина.

На следующей, земледельческой, стадии этот комплекс мифологем разбивается и усложняется. Во главе находится могущественная девственная богиня, владычица неба, земли и преисподней (позднее этот образ расщепляется на различных самостоятельных богинь). Она не нуждается в боге-мужчине, ибо самооплодотворяется. Далее развитие и осмысление идет по различным линиям: гермафродизм — малоазийская Агдистис, бородатые богини (Иштар, Венера); появляется любовник-сын, чаще всего в результате непорочного зачатия; отделение любовника от сына, первый должен погибнуть.

Очевидно, эта мифологема увязывается с представлением об умирающем и воскрешающем божестве. Здесь также имеются различные варианты мифа:

- богиня убивает любовника из-за измены (в других вариантах смерть заменяется осклоплением, слепотой, превращением в животное, увечьем);
- любовник сам кончает с собой;
- зверь (ипостась богини) убивает любовника на охоте; последним этапом такого варианта надо считать миф об Актеоне, нечаянно увидевшем купающуюся Артемиду, — его растерзывают собственные собаки;
- любовника убивают боги за нарушение установленного порядка (Деметра и Иаскон).

Рассказ о Кирке в «Одиссее» — это и есть тот последний этап мифа, когда смерть заменяется околдовыванием, а герой, победив чары волшебницы, возвращается к нормальной жизни.

Это последний этап развития мифа, если не считать юмористической переработки данной темы в эпизоде «Сатирикона» Петрония. Там матрона Цирцея пытается соблазнить героя повести, а он именно в момент близости с ней становится (по воле Приапа!) бессильным. Имя героини и вся ситуация явно пародирует текст «Одиссеи», да и сам герой называет себя Уллисом. Впрочем, комическое пародирование этой части гомеровской поэмы имеет, очевидно, давние корни; достаточно вспомнить известный рисунок на чернолаковой вазе из Беотии.

Итак, подведем некоторые итоги. Во-первых, Кирка — более могущественная богиня, чем это кажется при чтении гомеровской поэмы; во-вторых, ее любовники должны умереть или превратиться в животных; в третьих, она все же может быть побеждена Одиссеем. Два первых положения легко находят себе объяснение в том, что Кирка — это одна из Великих богинь-матерей с присущими этому мифологическому образу особенностями. Третий пункт требует специального рассмотрения.

Очевидно, комплекс мифологических представлений о Кирке или ее прообразе сложился у греков где-то в начале I тыс. до н.э., когда волна переселенцев-ионийцев достигла Малой Азии и обосновалась в Милете, Колофоне, Эфесе и ряде других городов. В восточные мифы, которые пришельцы узнали от живших до них на этой древней земле микенцев, они включили и простые индоевропейские мифологические образы, взятые с родины: что-то вроде лесной ведьмы, которую после борьбы побеждает герой. Из-за слияния их и возник миф о волшебнице Кирке, которая и известна нам из текста «Одиссеи».

В заключение несколько слов совсем на другую тему.

Теперь, на склоне лет, я сознаю, что интерес к сюжету «Кирки» зародился у меня еще в детстве, когда я впервые читал «Одиссею» в переводе В.А. Жуковского. Дворец в лесу и прекрасная богиня в окружении льстящихся зверей не могли не произвести впечатления на детскую душу. И вот в связи с этим первоначальным толчком хочется добрым словом вспомнить несколько наших переводчиков с древнегреческого, чьи труды, как мне кажется, незаслуженно забываются. А эта работа очень трудоемкая и ответственная! В самом деле, мы помним переводчика «Илиады» Н.И. Гнедича и «Одиссеи» — В.А. Жуковского. А многолетние труды В.В. Вересаева, переводившего Архилоха, Сапфо, Алкея, Семонида, Мимнерма и других лириков, обе поэмы Гесиода (кстати, этот перевод был удостоен Пушкинской премии Академии наук), всех так называемых Гомеровских гимнов... Говорят об Иннокентии Анненском как о поэте и учителе Николая Гумилева и забывают, что этот скромный преподаватель царскосельской гимназии перевел все трагедии Эврипида. А кто по-настоящему оценил титанический труд Леонида Блуменау, давшего нам прекрасные переводы эпиграмм из «Палатинской антологии»? Но это тема для специальной работы какого-нибудь молодого исследователя.

Примечание

*Извлечение из рукописи Р.В. Кинжалова «Из прошлого». Раздел под названием «Цирцея» в автографе датирован 5.10.00– 4.01.01.

Античными сюжетами Р.В. Кинжалов занимался практически всю жизнь, прерываясь и вновь возвращаясь к ним. Тема гомеровской Цирцеи (Кирки), к которой он обратился еще в 1943 г., будучи студентом эвакуированного в Саратов ЛГУ, занимает особое место. Увлеченности античностью способствовало то, что в Саратове тогда преподавала блестящая когорта ленинградской профессуры, а также неизменно доброе и заинтересованное отношение учителей к своим ученикам. Вот что пишет о том времени сам Р.В. Кинжалов: «Через несколько дней после зачисления я понял, как неслыханно мне повезло. Я оказался единственным студентом классического цикла в ЛГУ. Кроме меня была еще аспирантка Т.А. Красоткина. Первые два курса прошли в индивидуальных занятиях с И.М. Тронским, А.П. Рифтиным, Я.М. Боровским, Т.Н. Чекалиной. Неповторимые, блаженные, несмотря на все трудности, времена!». Своим университетским учителям Р.В. Кинжалов посвятил в мемуарах отдельную главу.